

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_146
EDN WJNUDD

**Культура диалога и коммуникативная культура:
Л. Н. Толстой в переписке с А. И. Герценом**

Евгения Михайловна Геронимус

Младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва
geronimus1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению культуры диалога между Л. Н. Толстым и А. И. Герценом, анализу коммуникативных стратегий и тактик, используемых в переписке указанных литераторов. Во введении обозначается цель работы, предмет и объект исследования, объясняется выбор корреспондента и хронологические рамки отобранных для анализа писем. Второй раздел посвящен определению тех понятий, которыми в дальнейшем автор статьи активно пользуется. В третьем, основном разделе статьи, анализируются коммуникативные тактики и стратегии Толстого, показывается, что высокая коммуникативная культура диалога оппонентов была связана не только с их личной позицией, грамотностью, уровнем развития, но и с видением необходимости обоими разрешения определенных общественно-политических проблем России. Письма Герцена, к сожалению, не сохранились, однако автор делает предположения о реакции Герцена на те или иные замечания оппонента по письмам Толстого и отзывам современников. Письма Толстого изучены по юбилейному полному собранию сочинений писателя, а также проверены по архивным источникам, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Отмечается уникальный феномен балансирования Толстого на различных риторических приемах. Подробно анализируются причины такой нарративной культуры писателя, описываются взаимоотношения двух корреспондентов, учитываются их идейные и социально-политические взгляды (мнения на положение народа и судьбу крестьянства в России), которые во многом и определяют основные смысловые узлы переписки. В заключительной части подводятся итоги проделанной работы. Нам удалось показать, как Толстой в выражении своей позиции в письмах балансирует между открытым возражением, коммуникативным конфликтом и отстаиванием своей точки зрения, используя различные стилистические и риторические фигуры. Статья дает четкое представление о взаимоотношениях двух политических оппонентов.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; А. И. Герцен; переписка; культура личности; культура диалога; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; полемика; конфликт

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

© Геронимус Е. М., 2023

Для цитирования: Геронимус Е. М. Коммуникативные стратегии и тактики Л. Н. Толстого в переписке с А. И. Герценом // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 146-158. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_146. <https://elibrary.ru/WJNUDD>.

Original article

**Culture of dialogue and communicative culture:
L. N. Tolstoy in correspondence with A. I. Herzen**

Evgeniya M. Geronimus

Junior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

geronimus1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Abstract. The article comprehends the culture of the dialogue between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen, analyzes communicative strategies and tactics used in the correspondence between the two writers. The introduction indicates the purpose of the work, its subject and object and explains the choice of the correspondent and the chronological framework of the letters selected for the analysis. The second part gives the definition of the concepts that the author of the article uses further on. The third, main part of the article analyzes Tolstoy's communicative tactics and strategies and shows that the opponents' high communicative dialogue culture was connected not only with their personal position, literacy, and level of development, but also with the necessity of solving certain socio-political problems in Russia understood by both of them. Unfortunately, Herzen's letters have not survived, but the author makes assumptions, based on Tolstoy's letters and the comments of their contemporaries, about Herzen's reaction to certain remarks of his opponent. Tolstoy's letters have been taken for study from the jubilee complete collection of the writer's works, and verified using archival sources from the Russian State Archive of Literature and Art. The author notes the unique phenomenon of Tolstoy's balancing on various rhetorical techniques, analyzes the reasons for such a narrative culture, describes the relations between the two correspondents, taking into account their ideological and socio-political views (opinions on the people's situation and the peasantry's fate in Russia), which in many respects determine the main semantic centers of the correspondence. The final part summarizes the results of the work where the author shows how Tolstoy balances between open objection, communicative conflict and defending his point of view in his letters using various stylistic and rhetorical devices. The article gives a clear picture of the relationship between the two political opponents.

Key words: L. N. Tolstoy; A. I. Herzen; correspondence; personality culture; dialogue culture; communication strategies; communication tactics; controversy; conflict

This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 "Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s" <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Geronimus E. M. Culture of dialogue and communicative culture: L. N. Tolstoy in correspondence with A. I. Herzen. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 146-158. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_146. <https://elibrary.ru/WJNUDD>.

Введение

Переписка Л. Н. Толстого с писателями, литераторами и публицистами представляет для реципиентов особенную историко-литературную, культурологическую и эстетическую ценность. На фоне поистине огромной переписки Толстого с деятелями искусства, общественными деятелями, политиками, с родственниками, единомышленниками, последователями и в целом достаточно широким кругом лиц корреспондентия Толстого и его знакомых-литераторов особенно примечательна не только в идейном и проблемном плане, она может быть рассмотрена как богатый материал с точки зрения языка, а также построения диалога, организации его культуры. Письма позволяют увидеть не только художника Толстого, но и человека своего времени, ведущего споры, испытывающего неприязнь или симпатию к разным сторонам действительности и людям, выражающим определенные позиции. Между тем удивительно, что при всей своей резкости и прямолинейности, которыми обладал Толстой и которые были особенно заметны в его молодые годы, писатель фактически не позволял себе резкие и нелицеприятные высказывания по отношению к современникам. В письмах он нередко умело «обходил» прямые оппозиции, используя свое прекрасное чувство и знание языка. *Объектом нашего исследования* является переписка Толстого, а *предметом* – коммуникативные стратегии и тактики, используемые Толстым в письмах Герцену.

За свою жизнь Толстой написал огромное количество писем. В юби-

лейном полном собрании сочинений писателя его письмам отведены 32 тома (тома с 59 по 89, также частично письма представлены в 90 томе). Всего в указанном издании содержится примерно 8 500 посланий Толстого к различным адресатам. Особенного внимания современных исследователей заслуживает указатель из писем, которые до сих пор не были найдены или неизвестны (некоторые тексты могли остаться нерасшифрованными, неопубликованными). Этот список насчитывает около 1 360 писем.

В данной статье мы не ставим перед собой цели подробно охарактеризовать все коммуникативные стратегии Толстого, в силу объема работы мы не берем множество корреспондентов, а останавливаемся на наиболее яркой и значимой для нашего исследования области, на письмах Толстого за 1860-е гг. известному русскому революционному демократу – Герцену. Мы считаем, что высокий уровень культуры диалога Толстого и Герцена был связан не только с их уровнем развития и интеллигентностью, но также с высоким уровнем гражданского самосознания.

Хронологические рамки изучаемого материала неслучайны. Они обусловлены тем, что именно 1860-е гг. для социально-политической жизни России во многом стали переломными: это было время так называемых либеральных реформ Александра II. Корреспондент Толстого был выбран по его политическим воззрениям, которые не были близки писателю, что в свою очередь дает нам богатый материал для анализа непосредственно коммуникативных стратегий и тактик, используемых

Толстым в создании писем своему политическому оппоненту.

В работе с эпистолярными текстами порою возникают некоторые трудности, связанные с тем, что для писем не характерно четкое структурное деление, смысловые блоки их часто очень тесно переплетены, однако при этом конкретные послания, как правило, имеют очень широкое смысловое поле, которое содержит элементы биографий, душевных переживаний, духовного опыта, психических проявлений, культурных переживаний, оценок эстетических элементов и пр. Являясь самостоятельным речевым жанром, письма интересны еще и тем, что, по справедливому замечанию А. Г. Балакай, «стилистический синкретизм эпистолярного стиля, обусловленный полифункциональностью письма как средства коммуникации, делает эпистолярный стиль открытым для разнообразных лексико-фразеологических и грамматических средств» [Балакай, 2002, с. 182]. Но в функциональной стилистике до сих пор стоит под вопросом правомерность выделения эпистолярного стиля. Так, Л. В. Щерба полагал, что «эпистолярный стиль является промежуточным», поскольку он существует в рамках форм делового и художественного языков как разновидностей письменной речи» [Щерба, 1939, с. 21]. А. И. Ефимов, продолжая рассуждения Л. В. Щербы и во многом возражая ему, выделил «эпистолярный стиль как самостоятельный и самодостаточный в системе функциональных стилей» [Ефимов, 1971, с. 41–43].

Эпистолярный текст, как и любой другой, в большинстве случаев не является самоцелью автора. Любое письменное слово создается для своего читателя. Потому и эпистолярный текст нельзя рассматривать исключительно как лингвистическую единицу, абстрагированную от действительности. При исследовании писем важно помнить о характере взаимодействия адресата и адресанта, о роли и функциях посланий, о многочисленных подтекстах, возникающих в силу того, что между корреспондентами устанавливаются сложные социальные отношения. В нашем случае чрезвычайно важно, что при всех противоречиях Толстого и Герцена, порою непримиримых разногласиях, их диалог характеризуется высоким уровнем коммуникативной культуры: оба собеседника прекрасно осознавали свою ответственность за сказанное, внимательно относились к оппонентам, проявляли взаимопонимание в наличии пунктов разногласий.

Структуру и содержание письма важно исследовать постоянно помня о личности его создателя, о ее индивидуальной культуре, определяемой уровнем развития, положением в обществе. По мнению Б. М. Гаспарова, любой пример использования языковых средств, начиная от краткого замечания или реплики в диалоге и заканчивая целым художественным произведением, является частью постоянно пополняющегося и динамичного потока совокупного опыта людей. Также Б. М. Гаспаров выделяет различные обстоятельства, сопутствующие текстам. К этим обстоятельствам ученый относит: «1) ком-

муникативное намерение; автора; 2) взаимоотношения автора и адресата; 3) всевозможные обстоятельства, значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщено прямо или косвенно адресовано, в частности; 5) жанровые и стилевые черты, как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» [Гаспаров, 1996, с. 10].

Вслед за немецким лингвистом К. Эрметом, который разработал подробную классификацию эпистолярных текстов, мы рассматриваем письмо в первую очередь как форму коммуникации [Ermet, 1979]. Поэтому для нас важно, что одной из главных составляющих письма является его прагматическая сущность, которая достигается за счет определенных коммуникативных стратегий. Как верно отмечала С. В. Павлова: «Субъект речи сознательно использует знаки в коммуникации, прогнозируя возможность социальных и психологических последствий. Эта заданность, направленность вербального акта на воздействие и регуляцию поведения, объективированная в предназначенных для этого языковых средствах (нормативных способах воздействия) составляет прагматический компонент общения» [Павлова, 1980, с. 66].

Культура диалога, коммуникативные стратегии и тактики

Переходя к непосредственному анализу коммуникативных стратегий и тактик в корреспонденции Толстого, нам необходимо прояснить значение терминов, которые мы применяем в нашей работе.

Современная лингвистика и коммуникология в последнее время активно пользуется такими понятиями как «культура диалога», «коммуникативные стратегии», «тактики» и «коммуникативное поведение». Однако их устоявшихся определений пока не выработано. Многие исследователи понимают эти термины по-разному, убедительно аргументируя свое видение языковой картины мира.

Проблема характеристики культурного диалога между писателями и общественными деятелями, занимающими значимое положение среди элиты страны, при этом имеющими активную гражданскую позицию, всегда остается актуальной. *Под культурой диалога обычно имеют в виду определенный уровень моральных и нравственных норм, традиций, ценностей, общественной и политической корректности, который содействует выстраиванию продуктивного обмена мнениями.*

Определение коммуникационной стратегии было предметом дискуссий среди ученых на протяжении длительного периода времени. Дж. Гумперц связывает понятие стратегии с интерпретацией говорящего в конкретной коммуникативной ситуации: характер такой интерпретации определяет интуитивный выбор лексических, грамматических,

дискурсивных и других вербальных и невербальных средств репрезентации сообщений [Gumperz, 1982, с. 35–36]. Д. Таннен, разделяя эту точку зрения, утверждает, что коммуникативная стратегия обладает свойством автоматизма и не осознается коммуникаторами, но предусматривает возможность дальнейшей расшифровки производителями [Tannen, 1994].

В отечественной филологии предлагаются разные трактовки данного термина. О. С. Иссерс понимает речевую стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс, 2006, с. 100]. Кроме того, «стратегия – это некоторая последовательность действий (в данном случае; речевых), организующихся в зависимости от цели воздействия» [Иссерс, 2006, с. 101]. В широком смысле «коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей...» [Романов, 1988, с. 103]. Между тем, в науке есть иная точка зрения на понятие коммуникативной стратегии. Ее выражает, к примеру, И. Н. Борисова, которая определяет *стратегию диалоговедения в процессе проведения непринужденной коммуникации*. Исследовательница отмечает, что «коммуникативная стратегия есть результат организации, речевое поведение говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле стратегия понимается как общее намерение, задача в

глобальном масштабе, сверхзадача речи» [Борисова, 1996, с. 22].

В наши задачи не входит анализ разных терминологических определений, тем более уже существует ряд работ, в которых дается подробный обзор этого научного вопроса [см: Галактионова, 2008; Лукашова, 2014; Сибирякова, Кренц 2019].

Мы же будем определять используемые нами понятия вслед за Т. В. Черницыной, которая дефинирует их так: «Коммуникативная стратегия – это планирование речевого взаимодействия, которое содержит определенные коммуникативные цели. Коммуникативные тактики же – конкретные речевые действия, определяющие те или иные коммуникативные стратегии. КТ соотносятся с набором коммуникативных намерений и реализуются с помощью языковых средств на уровне семантики, лексики, морфологии, синтаксиса» [Черницына, 2013, с. 196].

О «балансировании» Толстого в переписке с Герценом

Краткая переписка Толстого и Герцена завязалась между ними после непродолжительного визита Льва Николаевича в Лондон, состоявшегося во время его второго заграничного путешествия. Перед тем, как начать анализировать их непосредственное письменное общение, необходимо сказать несколько слов об их взаимоотношениях как до их личного знакомства, так и после.

Толстой, как впоследствии напишет в своей книге «Очерки былого» его сын, «в начале 1850-х годов был предубежден против Герцена» [Толстой С., 1965, с. 113]. Такое замеча-

ние вероятнее всего связано с их политическими несогласиями. Но, несмотря на некое предубеждение, Толстой искреннее ждал личной встречи с лондонским эмигрантом, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней письма И. С. Тургенева к Герцену: «Толстому я передала твой привет; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красный)» [Тургенев, 1987, т. 3, с. 197]. Уже в этом письме, передающем косвенную речь Толстого, можно увидеть, как акцентируется внимание на политических разногласиях. Мы предполагаем, что написанные Тургеневым в скобках слова принадлежат самому Толстому, который и обратил внимание своего старшего соотечественника на то, что он не только не ощущает себя революционером, но и противопоставляет себя им.

Долгожданная встреча между двумя политическими оппонентами произошла в марте 1861 г. [Гусев, 1941, с. 492]. К сожалению, в течение своего пребывания в Лондоне Толстой не вел дневник, а потому мы располагаем самыми малыми сведениями о пребывании писателя в этом городе. Источником данных становятся послания знакомых Толстого, редкие воспоминания и мемуары. Однако через сорок лет, в 1904 г., Толстой оценил свое пребывание в Лондоне, записав: «С Герценом я видался в бытность в Лондоне <...> почти каждый день, и были разговоры всякие и интересные. Записанного, кажется, ничего

нет, Впрочем, посмотрю в дневниках» [Толстой, 1956, т. 75, с. 71]. Корреспонденция Толстого и Герцена показывает, что большинство их бесед было посвящено проблеме внутренней жизни России, дальнейшего движения страны, решения народного вопроса. Такая ситуация не вызывает удивления, ведь России тогда находилась на этапе реформ, устроенных Александром II, тех либеральных изменений, которые начали коренное преобразование в стране, многое показали дворянам и думающим образованным людям (в то же время характерно расколов общество на два лагеря). Ключевой проблемой было, конечно, освобождение крестьян. Высокая гражданская позиция Толстого и Герцена, их нацеленность на результат позволяла оппонентам вести культурный диалог без резких выпадов и вызывающих столкновений.

17 марта Толстой выехал из Лондона и отправился в Брюссель. Буквально через три дня, 20 марта, писатель адресовал Герцену первое письмо, которое оставляет несколько противоречивое впечатление. У читателя письма создается впечатление, что Толстой словно опускает какие-то моменты, намеренно не обращаясь к ним. Н. Н. Гусев отмечал, что «все письмо написано под обаянием сильной, даровитой, родственной Толстому личности Герцена» [Гусев, 1957, с. 404]. Однако сложно быть солидарными с Н. Н. Гусевым в том, что Герцен для Толстого стал «родственной личностью», высказывание исследователя, вероятнее всего, было создано в угоду советскому режиму.

На сегодняшний день сохранилось лишь три письма, написанные Толстым Герцену. Ответные письма, к сожалению, неизвестны. Однако дошедшая до нас переписка свидетельствует о том, что общение между Толстым и Герценом в Лондоне было напряженным и интенсивным.

В данной статье мы не будем приводить полный текст писем Толстого, а ограничимся лишь некоторыми выдержками из них, которые необходимы нам для анализа коммуникативных стратегий.

В начальной фразе первого отправленного Толстым в Лондон письма мы уже можем наблюдать ту коммуникативную сложность, о которой в дальнейшем вспоминала в своих мемуарах Н. А. Тучкова-Огарева, жена Н. П. Огарева: «Когда мы вошли, граф Толстой о чем-то горячо спорил с Тургеневым. Огарев и Герцен тоже принимали участие в этом разговоре <...> Он [Толстой. – Е. Г.] часто имел горячие споры с Тургеневым, в которых они говорили друг другу весьма неприятные вещи» [Тучкова-Огарева, 1929, с. 296]. Н. Н. Гусев небезосновательно отмечает, что эти воспоминания не совсем точны: «споров с Тургеневым в доме Герцена у него быть не могло, так как Тургенева в Лондоне в то время не было» [Гусев, 1941, с. 493]. Вероятно, речь все же идет о спорах с Герценом.

Первое письмо начинается такими словами: «Чувствую потребность написать вам словечко, хотя собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович...» [Толстой, 1928–1858, т. 60, с. 370]. В этой фразе Толстой использует несколько

разнородных функциональных приемов: с одной стороны, он применяет фатический прием, то есть устанавливает контакт, прибегая к этикетным формулам. С другой стороны, перед этим приемом стоит так называемая «коммуникативная неудача» [Третьякова, 2010, с. 142] – «хотя собственно, нечего мне сказать вам» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 370]. Но в данном случае неудача не переросла в «коммуникативный конфликт» благодаря тому, что Толстой, как мы уже писали выше, сразу после нее ставит этикетную формулу.

Однако Толстой не останавливается в обозначении некоего своего «предубеждения» относительно Герцена. Сразу после мы читаем: «Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас, и что, несмотря на то, что вы все искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям, мне весело думать, что вы такой, какой есть...» [Толстой, 1928–1959, т. 60, с. 370]. В данном предложении Толстой вновь использует подобную коммуникативную тактику. Отличие заключается лишь в том, что в этом случае этикетная формула предваряет «коммуникативную неудачу». Однако тут может возникнуть вопрос: почему мы называем его пассаж: «вы все искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям» – коммуникативной неудачей? Используя красивую метафору, Толстой имеет в виду свои политические разночтения с Герценом. На самом деле, писатель не придерживался той точки зрения, которую разделял Герцен, а вместе с ним и революционные демократы. Однако нельзя сказать,

что в 1860-е гг. Толстой был солидарен с либералами или хотя бы последовательно принимал части их программы. Внимая мнениям Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, Толстой оставался исключительно на собственных позициях. При этом необходимо заметить, что писатель никогда поверхностно не оценивал интересующие его взгляды современников. К слову, с Б. Н. Чичериным Толстой был очень близок в 1857 г., но постепенно их политические пути разошлись [Андреева, 2023]. Более того, именно в этом пассаже чувствуется, как Толстой целенаправленно пытается показать, что Герцен не прав в своей идеологической крайности. Ведь «никто не должен [там. – Е. Г.] быть по всем вероятностям».

Бесспорно, Толстой – мастер не только художественного слова. Он прекрасно чувствует, как надо выстроить фразу, чтобы не оскорбить собеседника, но в то же время выразить свое истинное несогласие. Высокая коммуникативная культура корреспондентов позволяет им обходить «острые углы».

В этом же письме чуть ниже встречаем следующую фразу: «Дайто Бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды. Всё возможно в наше время; хотя я и возможность эту понимаю иначе, чем вы...» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 370]. Известно, что Герцен в то время возлагал большие надежды на либеральные реформы Александра II, считая, что именно освобождение крестьян станет определенной вехой на пути к демократическому обновлению в России. Толстой же несколько иначе

оценивал реформу по освобождению крестьян, считая, что в первую очередь надо дать крестьянам образование. Собственно, этим Толстой сам лично и занимался, открыв школу для крестьянских детей в Ясной Поляне в 1859 г. И свою вторую заграничную поездку Толстой предпринимает с целью изучить, как устроены европейские школы. В указанном отрывке письма мы вновь сталкиваемся с подобной коммуникативной тактикой. Однако тут нет так называемой «коммуникативной неудачи». Толстой выставляет фразу по принципу: тезис–антитезис, показывая своему адресату их полярные позиции.

Стоит отметить, что коммуникативная стратегия Толстого в переписке с Герценом заключалась в постоянной дискуссии со своим оппонентом. Ему будто бы вновь и вновь хотелось убедить собеседника в своей правоте, показать неправильность иного взгляда. Подобных примеров много и в последующих письмах Толстого лондонскому изгнаннику.

Во втором письме Толстой продолжает разговор об освобождении крестьян: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. – Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний...» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 374].

Толстой использует иную риторическую конструкцию: начинает с вопроса, который, казалось бы, адресо-

ван Герцену. Однако это уловка. Толстой не ждет ответа на этот риторический вопрос. Это лишь зачин для последующего изложения его мысли, которая нужна для убеждения оппонента. Более того, Толстой в конце этого письма делает приписку: «Пожалуйста, ежели вам не хочется, не отвечайте мне. Мне просто хотелось болтать с вами, а не вызывать на переписку знаменитого изгнанника» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 375]. Наши предположения являются верными – Толстому действительно важно высказаться, а не услышать ответ.

Из третьего письма, посланного Герцену, мы понимаем, что последний не продолжил начатую Толстым политическую агитацию. Он активно возвращает Толстого к вопросам сугубо литературным, говоря о задумке его романа. Но в последнем ответном письме Толстой вновь возвращает беседу на круги своя. «Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они, верно, знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что всё это “господа” делают» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 377]. И вновь мы видим тот же прием: риторический вопрос с последующим ответом, не требующим возражений.

К сожалению, ответные письма Герцена не сохранились. Поэтому мы можем лишь догадываться о его возможных ответах. Но думается, что

Герцен не поддерживал политические провокации Толстого, отчего разжигал в нем страстное желание переубедить собеседника. Мы называем риторические фигуры, используемые Толстым, провокациями, однако это ни в коем случае не говорит о Толстом как о человеке, склонном к организации ярких полемик. Он грамотно выстраивает свои письма, балансируя между этикетными формулами и коммуникативными неудачами, не давая им перерасти в коммуникативный конфликт.

Заключение

Подводя итоги, мы хотим заметить, что изучение с разных сторон культуры диалога, коммуникативных стратегий и тактик на сегодняшний день является очень продуктивной сферой филологического интереса многих исследователей. Существует ряд работ, посвященных раскрытию этого вопроса в разных областях жизни [см.: Бармина, 2017; Kurkimbayeva, 2019; Ручкина, 2008]. Однако незаслуженно обойдено вниманием изучение художественного творчества писателей, их эпистолярного наследия и эго-документов, в частности писем Толстого. В нашей работе, которая является лишь небольшой частью начатого нами исследования, мы попытались раскрыть те особенности коммуникации, который Толстой использует в общении со своим политическим оппонентом Герценом. Нам удалось показать, как Толстой в выражении своей позиции балансирует между открытым возражением, коммуникативным конфликтом и отстаиванием своей точки

зрения, используя различные стилистические и риторические фигуры.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
2. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк (НГПИ), 2002. 228 с.
3. Бармина Е. А. Речевая манипуляция как коммуникативная стратегия // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции. Главный редактор М. В. Норец. 2017. С. 35–39.
4. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21–48.
5. Галактионова О. С. Использование коммуникативных стратегий в речи русскоязычных коммуникантов на английском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2008. № 6. С. 101–109.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
7. Гусев Н. Н. Герцен и Толстой // Литературное наследство. Т. 41–42. М., 1941. С. 490–525.
8. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой, 1855–1869. М.: Академия наук СССР, 1957. 917 с.
9. Ефимов А. И. История русского литературного языка. 3-е изд. Москва : Высшая школа, 1971. 296 с.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига / URSS, 2006. 288 с.
11. Лукашова Р. Н. К вопросу о коммуникативных стратегиях и тактиках // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире. VII Научно-практическая конференция с международным участием: материалы конференции. / отв. ред. Л. Р. Татарникова. / Чита: Забайкал. гос. ун-т. 2014. С. 23–29.
12. Павлова С. В. Прагматический компонент речи как необходимый компонент общения // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 213: Проблемы коммуникативного метода обучения иноязычной речевой деятельности. Воронеж, 1980. С. 64–70.
13. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
14. Ручкина Е. М. Взаимодействие коммуникативных стратегий и стратегий вежливости в аргументированном диалоге // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 236–241.
15. Сибирякова С. Н., Кренц Д. Понятие коммуникативной стратегии в дискурсивной парадигме // Язык. Культура. Образование. 2019. № 4. С. 37–40.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.
17. Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, Приокское книжное издательство, 1975. 472 с.
18. Третьякова В. С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 141–149.

19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. Москва : Наука, 1978–2014.
20. Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Ленинград : Academia, 1929. 544 с.
21. Черницына Т. В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В. М. Шукшина: оценочная семантика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 7 (25); в 2-х ч. Ч. II. С. 196–198.
22. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 19–26.
23. Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: CUP, 1982. 402 p.
24. Ermert K. Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. 226 s.
25. Kurkimbayeva A. M. The application of communicative strategies in travel blogs // Bulletin of Kazakh National Women's Teacher Training University. 2019. № 1. С. 149–153.
26. Tannen D. Gender and Discourse. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1994. 203 p.

Reference list

1. Andreeva V. G. «Ljubeznyj drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina = "My dear friend... do not be angry for frankness!": correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin. // Dva veka russkoj klassiki. 2023. T. 5, № 1. S. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
2. Balakaj A. G. Russkij rechevoj jetiket i principy ego leksikograficheskogo opisanija.= Russian speech etiquette and its lexicographic description principles. Novokuzneck (NGPI), 2002. 228 s.
3. Barmina E. A. Rehevaja manipuljacija kak kommunikativnaja strategija = Speech manipulation as a communicative strategy // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod. Materialy I vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Glavnyj redaktor M. V. Norec. 2017. S. 35–39.
4. Borisova I. N. Diskursivnye strategii v razgovornom dialoge = Discursive strategies in spoken dialogue // Russkaja razgovornaja rech' kak javlenie gorodskoj kul'tury / pod red. T. V. Matveevoj. Ekaterinburg: ARGO, 1996. S. 21–48.
5. Galaktionova O. S. Ispol'zovanie kommunikativnyh strategij v rechi russkojazychnyh kommunikantov na anglijskom jazyke = The use of communicative strategies when Russian communicators speak in English // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2008. № 6. S. 101–109.
6. Gasparov B. M. Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya.= Language, memory, image. Linguistics of language existence. Moskva : «Novoe literaturnoe obozrenie», 1996. 352 s.
7. Gusev N. N. Gercen i Tolstoj = Herzen and Tolstoy // Literaturnoe nasledstvo. T. 41–42. M., 1941. S. 490–525.
8. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj, 1855–1869. = Lev Nikolajevich Tolstoy, 1855–1869. Moskva : Akademija nauk SSSR, 1957. 917 s.
9. Efimov A. I. Istorija russkogo literaturnogo jazyka. = The history of the Russian literary language. 3-e izd. M.: Vysshaja shkola, 1971. 296 s.
10. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. M.: KomKniga / URSS, 2006. 288 s.

11. Lukashova R. N. K voprosu o kommunikativnyh strategijah i taktikah = Towards communicative strategies and tactics // *Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija v sovremennom mire. VII Nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem: materialy konferencii.* / otv. red. L. R. Tatarnikova. / Chita: Zabajkal. gos. un-t. 2014. S. 23–29.
12. Pavlova S. V. Pragmatischekij komponent rechi kak neobhodimyj komponent obshhenija = Pragmatic speech component as a necessary communication component // *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.* T. 213: Problemy kommunikativnogo metoda obuchenija inojazychnoj rechevoj dejatel'nosti. Voronezh, 1980. S. 64–70.
13. Romanov A. A. Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija = System analysis of regulative means in dialogic communication. Moskva : In-t jazykoznanija AN SSSR, 1988. 183 s.
14. Ruchkina E. M. Vzaimodejstvie kommunikativnyh strategij i strategij vzhlivosti v argumentirovannom dialoge = Interaction of communicative and politeness strategies in an argumentative dialogue // *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* 2008. № 4. S. 236–241.
15. Sibirjakova S. N. Ponjatie kommunikativnoj strategii v diskursivnoj paradigme = The communicative strategy concept in the discourse paradigm / S. N. Sibirjakova, D. Krenc // *Jazyk. Kul'tura. Obrazovanie.* 2019. № 4. S. 37–40.
16. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. = Complete works: in 90 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.
17. Tolstoj S. L. Oчерki bylogo. Tula : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 472 s.
18. Tret'jakova V. S. Konflikt v lingvisticheskikh kategorijah = Conflict in linguistic categories // *Jurislingvistika.* 2010. № 10 (10). S. 141–149.
19. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. = Complete works and letters: in 30 vols. / AN SSSR, IRLI (Pushkinskij Dom); [redkol.: M. P. Alekseev (gl. red.) i dr.] Moskva : Nauka, 1978–2014.
20. Tuchkova-Ogareva N. A. Vospominanija. = Memories. Leningrad: Academia, 1929. 544 s.
21. Chernicyna T. V. Kommunikativnye strategii pohvaly i poricanija v idiostile V. M. Shukshina: ocenohnaja semantika = Communicative strategies of praise and criticism in V. M. Shukshin's idiostyle: evaluative semantics // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov : Gramota, 2013. № 7 (25): v 2-h ch. Ch. II. C. 196–198.
22. Shherba L. V. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk = The modern Russian literary language // *Russkij jazyk v shkole.* 1939. № 4. S. 19–26.
23. Gumperz J. J. *Discourse Strategies.* Cambridge: CUP, 1982. 402 p.
24. Ermert K. *Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation.* Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1979. 226 s.
25. Kurkimbayeva A. M. The application of communicative strategies in travel blogs // *Bulletin of Kazakh National Women's Teacher Training University.* 2019. № 1. S. 149–153.
26. Tannen D. *Gender and Discourse.* N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1994. 203 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 25.09.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023